

7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

**ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

Новикова Валерия Юрьевна

канд. филол. наук, доцент,

Краснодарский государственный университет культуры и искусств,

Россия, г. Краснодар

E-mail: gandzi@yandex.ru

**CHARACTERISTICS OF EUROPEAN CULTURE OF READING
FROM THE ANCIENT WORLD TILL CONTEMPORANEITY**

Novikova Valeriya

Candidate of Philological sciences, associate professor,

Krasnodar State University of Culture and Arts,

Russia, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история и стратегии чтения в Европе от эпохи античности до наших дней и особенности читаемых европейцами текстов.

ABSTRACT

The article deals with history and strategies of reading in Europe from the ancient world till contemporaneity as well as the characteristics of texts read by Europeans.

Ключевые слова: чтение, грамотность, текст.

Keywords: reading, literacy, text.

Чтение часто представляется людям как безусловная необходимость при получении информации, а текст видится посредником в этом процессе. При этом современные стратегии чтения и виды текстов либо восторженно воспринимаются нами как безусловное новшество, либо как отвратительные новомодные веяния, искажающие вековые традиции чтения. Но можно ли считать, что восприятие текстов в Европе было неизменным на протяжении веков? Мы предлагаем проанализировать различные техники чтения и виды текстов, существовавшие в европейской цивилизации с древних времен, выявить их связь с историей и культурой народов Европы, религиозными традициями и социальными изменениями, чтобы увидеть, действительно ли современные принципы чтения так отличаются от тех, которые существовали ранее.

АНТИЧНОСТЬ

У греков текст воспринимался как информация, запечатленная для сохранения навечно. Устный текст был предназначен для распространения вслух сведений, требующих запоминания, — сакральных или исторических. Но любую информацию надо уметь передавать не только точно, но и эффектно, поэтому у греков уже в архаический период появляется представление о необходимости науки красиво говорить. Зарождается риторика, которая со временем становится учением не только о декламации изустно распространяемых текстов, но и выразительном чтении текстов записанных. Не следует забывать о том, что архаичные тексты писали сплошняком, без деления на отдельные слова, абзацы, без знаков препинания, и только владеющий методами понимания текста опытный декламатор, умеющий превратить мертвые слова в эффектную речь, служил посредником для человека эпохи античности между слушателем и текстом. Правильно было бы заметить, что без искусства риторики большинство текстов не обрело бы смысла и распространения вследствие их непонятности для пусть и грамотного человека, но профана.

Конец V века до н. э., конец классического периода культуры и истории Древней Греции, ознаменован двумя великими потрясениями в истории чтения. Первое — это постепенное разделение функций текста чисто информативного и предназначенного не для сохранения сведений, а просто для чтения. Сохранившиеся свидетельства того времени — вазопись и барельефы демонстрируют нам сцены коммуникации между людьми, держащими в руках тексты. Чтение, видимо, не было занятием уединенным, индивидуальным, напротив, оно переняло прежние социальные функции у архаической декламации и воспринималось как форма общественной жизни. То, что афиняне классического периода уже были знатоками художественного слова во всех его видах, а афинское государство — страной поголовной грамотности, отражено даже в драматических произведениях Еврипида и Аристофана. У них же мы находим и информацию о втором великом новшестве — появлении сведений о чтении про себя или, вернее, для себя. Ранее, видимо, эта традиция просто не существовала. Кавальо и Шартье полагают, что это переход от фактической «раздачи текстов, осуществляемой немногими, умеющими читать, через этап более распространенного чтения как “узнавание букв”» [3, с. 19] к чтению углубленному, чтению — пониманию и истолкованию прочитанного.

Постепенные изменения в менталитете древних греков были тесно связаны и с тогдашними основными носителями письменной информации. Речь идет о разнице между культурой свитка и культурой кодекса в античном мире. Свиток сделан из папируса, импортируемого из Египта, стоит дороже, его могут себе позволить не все, он требует определенной, не слишком удобной позы, принимаемой читающим. Свиток воспринимается как источник сохранения серьезной информации, древний грек архаической эпохи еще не мог вообразить, что свиток может содержать какие-то фривольные стишки, древний же грек эпохи эллинизма уже вполне допускал, что подобный текст имеет право на существование, будучи произведением искусства.

В отличие от свитка кодекс, представляющий собой прототип книги (первоначально — нечто вроде тетради в примитивном переплете), дешевле и делается из пергамента, с которого можно соскоблить надоевшее или неактуальное и записать снова. Кодекс удобен в использовании, поза читающего может быть более непринужденной, и сам кодекс тоже может содержать теперь не только общественно значимую, исторически важную или сакральную информацию. Кодексы дали возможность сохранить за письменным текстом новую функцию — функцию развлечения читателя. Ранее, читая, человек получал информацию. Теперь стал просто весело проводить время, причем чем дальше, тем больше это развлечение стало восприниматься как удовольствие, совсем не обязательно связанное с общественной жизнью.

В Древнем Риме в ранний республиканский период чтение было поначалу распространено в узкой среде патрициев и воспринималось как синтез научного познания и частного социального контакта, потому что устраивалось как некое мероприятие в домах владельцев самых больших библиотек. Собираение книг в последние века до нашей эры в Риме было популярным хобби, получившим распространение в эпоху расширения римских завоеваний, потому что большинство библиографических редкостей привозили из завоевательных походов. Рим рубежа тысячелетий превращается в гигантского потребителя письменной продукции, читают там все и всё, что объясняется повальным распространением грамотности не только в аристократических кругах, но и среди плебса, который в это время начинает уже постепенно смешиваться с патрицианской верхушкой. Помимо этого, управление гигантским организмом римского общества эпохи его завоевательной экспансии требует большого военного и чиновного аппарата, состоящего из образованных людей. Поэтому увеличение количества грамотных людей увеличивает и спрос на письменный текст. Чтение книг, обладание книгами входит в моду, и древнеримская литература первых веков Империи уже высмеивает нуворишей, которые кичатся наличием книг, вовсе не умея оценить их

по достоинству [1]. Это напоминает многих современных покупателей собраний сочинений в подарочном оформлении, раз и навсегда поставивших свои приобретения на полку в самом эффектном месте и редко их открывающих.

Вновь с распространением книги, теперь уже — удобного кодекса, который во всем заменяет прежний свиток, и распространением грамотности увеличивается количество людей, читающих не публично, а про себя. Вернее, для себя, потому что до сих пор не установлено, действительно ли чтение наедине с самим собой проходило в молчании или читающий все же проговаривал текст вполголоса.

Древнеримские свидетельства рубежа тысячелетий подтверждают, что меняется и отношение читателей к написанному. Тот текст, который прежде предназначался для сохранения информации и обнародования этой информации исключительно в обстановке торжественной, требующей включения в речь различных риторических приемов, воспринимался римлянами как некая истина, которую необходимо сохранить в памяти, сакрализовать, поклоняться ей как исторической данности. Писать, придумывая, украшая текст плодами своей фантазии, у римлян ранее было не принято.

Показательный момент связан с историей Вергилия, создавшего «Энеиду», которая под его стилем по повелению Октавиана Августа превратилась из частного семейного предания рода Юлиев в литературное произведение, имеющее государственное значение, закрепляющее официальный миф о божественности власти представителей этого семейства. Для того чтобы написать историю Энея, сына богини Венеры и прямого предка Юлиев, историю откровенно мифологическую по своему сюжету, Вергилий отправляется в путешествие по тем местам, где когда-то, по легенде, происходили события, описанные им позже в «Энеиде». Он должен своими глазами их увидеть, чтобы потом реалистично описать в литературном произведении, в этом он видит свой долг как писателя. Т. е. не только читатели,

но и авторы эпохи ранней Империи еще не предполагают, что их произведения должны восприниматься как эффектная и красивая выдумка.

Текст еще оставался государственно значимым объектом древнеримской культуры, но уже в эпоху упадка династии Юлиев-Клавдиев и позже кризис прежней римской идеологической модели и падение интереса к традиционной римской религии приводят к спросу на литературу не реалистическую, а сугубо развлекательную. Вспомним Овидия с его игривыми поэмами, которые становятся популярны вскоре после возвышенных сочинений Вергилия или фантастическую (достаточно вспомнить Апулея с его романом «Метаморфозы, или Золотой осёл»). Естественно, подобная тенденция не остается незамеченной моралистами, которые сетуют об упадке прежнего величественного значения текста, но они уже не могут остановить эту прогрессирующую тенденцию. С началом большого имперского государственного кризиса первых веков нашей эры и усилением христианского влияния появляется спрос и на новую религиозную литературу, и философские трактаты. Их чтение воспринимается уже не всегда как общественная обязанность, но часто как интимный процесс приобщения к истине — философской или божественной. И эту потребность удовлетворяют уже почти исключительно кодексы, в которые можно собирать сразу много разных текстов, сшитых вместе по удобному переписчику и читателю принципу, кодексы, которые можно было изготовить быстро и дешево.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Исчезновение колосса Западной Римской империи как средоточия европейской культуры и многочисленные военные набеги варварских племен, сотрясающие ее остатки в эпоху Великого переселения народов, привели к кризису мировоззрения в новорожденных национальных государственных объединениях, выросших на остатках древнеримской цивилизации и, как следствие, к потере прежнего значения светской культуры. И, естественно, в этот период начинается масштабная христианизация Европы.

Церковь теперь берет на себя не только религиозные функции и функции модератора политических конфликтов, но и становится единственным масштабным источником образования и книжной культуры, вследствие понятных причин, культуры религиозной. Религиозное воспитание и образование становятся неразрывно связанными, а книга, написанная на латыни, единственном общеевропейском литературном языке, видится теперь «способом познания Бога» [4, с. 69] и спасения души. Неграмотность большинства власть имущих в раннем Средневековье по сравнению с периодом античности приводит к установлению тех правил использования книги, которые больше устраивают церковь. Развитие умения чтения вслух в средневековом образовании в это время становится еще важнее из-за установки на обучение будущих деятелей церкви отправлению службы и прозелитизму (проповеди Священного писания). Но начиная с VI века в монашеской среде все больше внимания начинают уделять и чтению про себя. Отчасти это объяснялось чисто прикладными причинами: труд монахов-переписчиков, работавших над копированием и распространением религиозных книг, требовал тишины и сосредоточенности. Именно им, кстати, мы обязаны постепенным грамматическим разграничением средневековых текстов: к концу Средневековья переписчики большинства известных нам кодексов стали писать все слова отдельно, заботясь об удобстве читателя, появились разделения текста на столбцы и абзацы, красная строка и буквица, выделение цитируемого источника другим цветом или стилем письма, возникает пунктуация.

Важным явлением в средневековье стало и новое отношение к содержанию текстов. Оно непосредственно вытекает из факта крайней ограниченности количества потребителей письменного слова. Кто вообще мог читать тексты в Средние века? Священники. Ученые. Юристы. Чиновники. В более позднее время — представители городского торгово-ремесленного сословия. Для всех этих лиц чтение было необходимо лишь в силу их профессиональной принадлежности. И читали они большей частью либо религиозную литературу, либо тексты профессионального содержания. Почему же другие люди

не испытывали желания читать? Это можно объяснить очень просто: потому что для них это было бессмысленным занятием. Можно потратить много времени на обучение чтению, но никакой социальной или финансовой выгоды от таких умений человек в Европе времен жесткой сословной системы вассалитета не получал. Но даже те, для кого чтение было нормой жизни, делали это совсем не так, как мы сейчас. Были распространены чтения Библии вслух в малограмотной или неграмотной аудитории не только в церкви или церковной школе, но и на светских собраниях: в замках феодальных сеньоров и городских ратушах. Причем для не знающих латынь людей содержание скрывалось за формой прочтения, и религиозный пыл слушателя напрямую зависел от двух факторов: риторических талантов проповедника и его умения доступно трактовать для слушателей латинский текст согласно традициям схоластического богословия.

В эпоху крестовых походов при феодальных дворах юга Европы начала распространяться мода на интеллектуальные развлечения, а занесенная с Востока традиция сочинения любовной лирики под музыкальный аккомпанемент вызвала всплеск куртуазной культуры, породившей светскую литературу на национальных языках. С Востока же, кружным путем, в Европу стали возвращаться тексты античных авторов, иногда переводимые уже с арабского языка. А в XIV веке Европа перенесла чудовищную эпидемию чумы, выкосившей целые города и убившей тысячи преподавателей и студентов. Оставшиеся в живых получили в свое распоряжение куда больше книг, чем могли позволить себе раньше, книги стали более доступными и вернули большинству людей вкус к чтению. Образованных европейцев становилось все больше, книга начала становиться еще дороже, оформляться и иллюстрироваться все красочнее, и собственные библиотеки в замках сеньоров, королевских дворах или домах богатых итальянских торговцев, ростовщиков, а позже — банкиров уже воспринимались как естественное явление времени. При этом роскошными могли быть не только евангелия или часословы, как, например, знаменитый «Великолепный часослов герцога

Беррийского», но и рыцарские романы или сборники куртуазной лирики. Читатель открыл для себя прелести общения через текст с автором и его интерпретацией многообразия мира: в художественных и философских текстах возникает синтез религиозной и светской тематики, появляются двусмысленные намеки, ссылки на других авторов и другие произведения и даже откровенный эротизм. Дидактика и душеспасительность текста перестали быть основными его функциями, а запоминание единственной канонической трактовки текста религиозного перестало быть достоинством читателя. Из духовного подвига чтение снова стало превращаться в удовольствие.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Эпоха Возрождения с ее гуманизмом и антропоцентрическим видением мира изменила и отношение к чтению. Но этого бы, наверно, не произошло, если бы не великое событие, совершившееся в первой половине XV века, — изобретение книгопечатания в Европе. Оно довершило то, что начала за век до этого европейская Черная смерть — изменила соотношение между количеством книг и желающих их прочитать. Книги стали в разы быстрее создаваться, значительно подешевели и, хотя первоначально копировали рукописный шрифт, постепенно стали все больше его упрощать, что значительно облегчило чтение. Эпоха Ренессанса сделала книгу легкой — все всех смыслах, а появление книги в малом формате — *in quarto* — сделало книги еще и удобными для транспортировки. Книгу стало можно носить с собой, читать не только в тиши библиотек или монастырских стен, но выйти с ней в сад или забыть в беседке. Понятие свободы духа, свойственное эпохе, перешло и на книгу того времени. И хотя деятельность типографий во всех странах первоначально строго контролировалась правительством, а церковь изо всех сил восставала против нового способа распространения книг — из-за боязни потерять монопольное право на тиражирование слова, тем более Слова Божьего, процесс уже было не остановить. А вкусы покупателей книг стали,

согласно незыблемым рыночным законам, менять и сами задачи производства печатной литературы.

Уже в XVI веке было распространено мнение, что новый способ тиражирования книг сыграл ключевую роль в распространении идей Мартина Лютера. Сам Лютер говорил, что «Книгопечатание — последний дар Божий и величайший. В самом деле, через него Бог хочет, чтобы дело истинной веры стало известно по всей земле до пределов мира» [цит. по 2, с. 266]. Важно и то, что в 20-е годы XVI века с началом пропаганды протестантизма совпали увеличение книгопечатания на национальных языках и постепенный распад прежней социальной системы. Раньше люди не могли себе представить, что грамотность и чтение могут как-то изменить их жизнь, вывести за пределы определенной социальной страты, в которой человек ранее был заключен пожизненно. Теперь, с началом превращения прежнего ремесленного сословия в новый класс — торговцев, банкиров, а в перспективе — буржуа, с началом колонизации новых земель в Азии и Америке, стало понятно, что сын горшечника не обязан становиться горшечником. Если человек относительно неплохо образован, умеет читать, писать, считать, то это уже дает ему неплохой жизненный старт, и он может стать, кем сам он захочет. Свобода выбора собственного будущего, сомнения в устойчивости прежней жизненной системы — сословной и религиозной, способность хотя бы через книгу, написанную не на загадочной латыни, а на народном языке, постигать мир, который оказался куда огромнее, чем человек мог представить ранее, создали отличную почву для Реформации.

Учение Лютера требовало обязательного постижения веры через чтение священного Писания. Чтение стало ключом к религиозному откровению для сторонников реформированной религии. Поэтому в Европе XVI—XVII веков наблюдается устойчивая корреляция между распространением Реформации и распространением грамотности среди даже тех слоев населения, которые до этого даже не задумывались о том, чтобы взять книгу в руки. Впрочем, люди грамотные, но принадлежащие к разным слоям населения, читали совершенно

разную литературу. У образованных и состоятельных представителей высших слоев общества был более широкий круг чтения, включающий не только религиозные сочинения, но и светскую литературу разной степени серьезности или, наоборот, игривости, — как поэзию, так и прозу. Читали и философские трактаты на современных и древних языках — латинском и древнегреческом (некоторые ученые-специалисты читали и на древнееврейском), трактаты научные или общественно-политические. Люди же из городского сословия помимо Библии могли читать разве что жития, краткие хроники, различные листовки или сокращенные пересказы известных книг. Подобные издания, например, знаменитая во Франции *bibliothèque bleue* (синяя библиотека), увлекали тех, кто не интересовался чтением как процессом постижения смысла текста и не считал художественную литературу искусством и, в отличие от людей более просвещенных, не видел необходимости в чтении именно текста авторского. Роль автора как создателя уникального синтеза мысли и слова в книге как произведении искусства начала осознаваться только к концу XVIII века.

Последняя треть XVIII века ознаменована первым большим прорывом текста к читателям, количество которых уже росло почти по экспоненте, пополняемое в основном представителями все растущего среднего класса. В XVIII веке Европа начинает испытывать потребность в постоянно обновляющейся официальной информации в области политики и экономики, а не только религиозной жизни. Результатом становится появление газет, а позже и журналов. В это же время еще больше поднимается авторитет большого количества писателей, которые в эпоху Просвещения часто совмещают в одном лице функции автора, журналиста, критика, пропагандиста и философа. Все хотят знать, что еще скажет Вольтер. Всем нужно быть в курсе, что будет написано в очередном романе Гёте. Всем интересно, кто будет героиней нового романа Ричардсона. Это приводит к первой в мире настоящей эпидемии чтения.

Консерваторы XVIII века относились к чтению примерно так же, как современные консерваторы к разным формам интернет-письма, называя их

зависимостью. Но на деле чтение в эпоху Просвещения действительно подтолкнуло европейскую буржуазную цивилизацию далеко вперед, заметно меняя менталитет европейца. Из религиозного мышления постепенно превращалось в индивидуалистическое, и едва ли не главную роль в этом сыграло чтение. Литература поистине стала модной, а дидактические установки Просвещения только поддерживали эту моду. Главное — сделать общество правильно, разумно и удобно устроенным, а людей счастливыми, поэтому необходимо правильное воспитание (которое невозможно без книги) и образование (которое еще больше расширит кругозор человека и подтолкнет его к правильному выбору жизненного пути). Бурное развитие наук породило необходимость в совершенно новом типе книги — словаре и энциклопедии. Но помимо этого возникает и новый тип читателя как такового — читателя-женщины, для которой, как подчеркивали свидетельства того времени, любимым времяпрепровождением стало чтение романов. Читательниц стало так много, что, без сомнения, появлением первых бестселлеров в литературе мы обязаны им. Повальное, поистине фанатское обожание дамами постигло романы Руссо, Ричардсона и Гёте, о котором пишет даже Пушкин в «Евгении Онегине». Их героини становились образцами добродетели или классическими типами злодеев, а героини — примерами для подражания. И сохранившаяся традиция коллективного чтения подобных модных новинок чем-то парадоксально напоминала традиционное религиозное собрание с последующим обсуждением объекта религиозного поклонения.

Изменился и книжный рынок, постепенно приспособившийся друг к другу три категории людей — авторов, издателей и читателей. Издательский бизнес стал поразительно прибыльным, и если еще полтора столетия назад большая часть печатаемой литературы была духовного содержания, то в конце XVIII века ситуация изменилась, и недаром моралисты были в ужасе от заполонивших прилавки любовных романов (далеко не одинаково высокого, надо сказать, качества) и даже романов ужасов (этот тип романа появился именно тогда). Церковное влияние на паству резко уменьшается отнюдь не из-

за снижения количества верующих, а из-за того, что моралистические проповеди в чистом виде уже не имели прежнего спроса. Если бы вы хотели поговорить о духовности и при этом найти своего читателя, то эту идею, скорее, стоило бы развить в каком-либо нравоучительном романе. Чтение как развлечение окончательно закрепилось в европейском обществе.

XIX ВЕК

В последнее десятилетие XVIII века — в начале века XIX-го, т. е. в эру возвышения Наполеона, в эпоху окончательного распада в Европе прежней сословной системы читательская публика становится крайне пестрой. Люди читают теперь книги, которые больше им нравятся и удовлетворяют их личные запросы. Для Европы XIX столетие стало золотым веком чтения, последним веком, когда печатное издание пока не имело соперников в лице радио, телевидения и Интернета. Связан этот золотой век с увеличением количества читателей за счет низов среднего и рабочего классов и образованием, которое они теперь бесплатно смогли получать во многих странах Европы. А с той поры, как в 70-е годы XIX века рабочий день на многих предприятиях стал сокращаться, количество читателей стало еще больше.

Это время было и счастливой эпохой издателей, которые теперь могли получать в разы больше прибыли, чем раньше, и авторов — писателей и поэтов, которые, можно сказать с уверенностью, никогда не были раньше так ценимы читающей публикой. Эпоха романтизма сделала из автора кумира общества, и скандальная хроника первой трети XIX века помнит немало историй о похождениях Байрона или Шелли, что на самом деле больше мешало самим авторам, но стабильно увеличивало тираж произведений у их издателей. Начало XIX века стало эпохой «взрыва поэзии», которая никогда до и никогда после не знала такой популярности. Требовательный читатель, воспитанный в духе Просвещения, искал в книге откровения, ответов на вопросы если не о тайнах мироздания, то хотя бы о причинах движения человеческой души, и поэты-романтики с их исповедальной лирикой и простым, естественным языком пришлись читателю по сердцу. Не меньший и куда более длительный успех

ждал и прозу. Самый долгоиграющий жанр в истории литературы — роман в этот период, благодаря Диккенсу, изобретает форму текста с продолжениями, который печатается по главам в модных литературных журналах. Парадоксально, но даже «Капитал» Карла Маркса в 1872 году начинают публиковать частями в еженедельных изданиях, и он тут же становится не менее модным чтением, чем романы.

Но бум чтения приводит и к еще одному вполне закономерному последствию: тексты вновь становятся отчетливо делимыми на серьезные и несерьезные. Место научных, религиозных и философских трактатов отныне занимает серьезная художественная литература, равно обсуждаемая в светских салонах и пабах возле мелких контор. Место же листовок, сокращенных пересказов и «синей библиотеки» оказывается занято макулатурными детективами, только недавно возникшими в недрах романного жанра, любовно-эротической прозой низкого пошиба, а в конце XIX века — мистической и эзотерической литературой.

Чтение же вслух уже занимает самое небольшое место в читательской практике и сохраняется разве что в крестьянских семьях, в рабочих кружках или в буржуазных семьях как некая традиция, которая, впрочем, в XX веке начинает идти на спад.

XX ВЕК

XX век стал в истории чтения одной из самых революционных эпох. Как, наверное, революцию в свое время произвело изобретение пергамента, так, подобно огненной лаве, на человеческую цивилизацию изверглись радио, телевидение и Интернет. Альтернативные источники получения информации — снова в более сжатом и тенденциозном виде, теснят текст печатный, а сама информация дешевет и перестает быть элитарным продуктом, при том что производство ее носителей дорожает. Владелец большого количества информации сегодня — это не миллионер с ключами от Рая. У него слишком много конкурентов в лице других источников знания, и тот, кто ухитряется

уложить большее количество информации в эффектную форму меньшего объема и с меньшими потерями для восприятия, выиграет внимание читателя.

Много пишут о манипулятивности приемов современных носителей информации, но это не новое изобретение цивилизации. Идеологическое давление и то, что позже начало называться пропагандой, существовало, как мы видим, и в Средневековье, и в Новом времени, и в XIX веке. Просто новые средства передачи текстов в XX веке получили возможность охватывать больший объем слушателей или зрителей. Парадокс, но радио, а потом и телевидение словно бы заняли место, прежде занимаемое чтением вслух. Поэтому, как нам кажется, существует прямая параллель современной аудитории ТВ и радио со слушателями чтецов Средних веков или XIX века: это почти всегда или менее образованные и эрудированные, или больше склонные к легкому восприятию текстов люди. Раньше, чтобы слушать священное Писание, человек был не обязан быть грамотным сам. Сейчас, чтобы стать частью телеаудитории, человек не обязан любить читать. Телевидение — современная кафедра проповедника, подобно тем, что существовали в Средние века. Просто сейчас, не сходя с места, человек может выбрать то, что ему нравится, из аллегорических шуток Святого Франциска перед птицами божьими, возможно, в передаче «В мире животных», пламенными призывами Савонаролы в выпусках новостей и аналогами выступлений жонглеров на средневековых площадях в «Камеди Клуб».

Интернет — еще одна область распространения и потребления текстов, без которой немислим сегодняшний день. Наверное, со времени его изобретения никакая идея не обсуждалась так часто, как идея о конкуренции электронного и бумажного текстов. На мой взгляд, у печатного текста в эпоху Интернета все еще остается главное преимущество: он не требует дополнительных энергозатрат на чтение. Читать с монитора компьютера, ноутбука, планшета или ридера возможно только при наличии электричества, в то время как книга дает нам возможность читать тогда, когда нам этого захочется, и нам не понадобится включить ее в сеть для подзарядки.

Но не спору, в ней нет функции преобразования текста в нужную для читателя форму, и в тот вес и формат, который занимает даже миниатюрный томик стихов, в электронном виде можно загрузить целую библиотеку. Но это не значит, что время книги, время бумажного текста уже ушло безвозвратно. Как папирусные свитки существовали много столетий вместе с пергаментными кодексами, так и бумажная книга еще проведет достаточно много времени в эпоху электронных текстов, пока ее время окончательно не закончится. К тому времени текст электронный тоже вполне может сильно измениться по сравнению с сегодняшним днем и изменить стратегии чтения в нашей цивилизации.

Собственно, это уже происходит на наших глазах. То, что случилось в свое время в Средние века, когда тексту *per se* читатели стали предпочитать его краткий пересказ, происходит и сегодня: вместо того, чтобы прочитать даже не роман, статью в Интернете, пользователи часто узнают в Интернете ее краткое содержание и не тратят время на поиск оригинала. Блог-платформы, которые, наверное, больше всего отражают динамику чтения, общение через него и комментирование прочитанного, тоже стремительно меняются. Около десяти лет назад самым популярным блогом был Живой журнал, где можно было публиковать объемные тексты, сейчас — Твиттер, где текст не превышает объема в 140 символов.

Снова моралисты говорят о том, что люди стали мало читать и предпочитать т. н. вторичное, поверхностное чтение углубленному, а массовые жанры — духовным текстам, научной и серьезной художественной литературе. Но теперь очевидно, что подобное в истории чтения уже было, а потом мир изменился, и аналитическое чтение вновь возобладало. Как мы видим теперь, история чтения вслед за историей европейской цивилизации развивается циклически, эпохи варварства, духовного и идеологического давления на чтение сменяются временами прорывов, и так будет всегда, независимо от того, на чем существует текст — на камне, папирусе, страницах книги или экране монитора.

Список литературы:

1. Гай Петроний Арбитр. Сатирикон. — М., 2013. — 224 с.
2. Жильмон Ж.-Ф. Реформация и чтение // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. — М., 2008. — 544 с. — С. 266—297.
3. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. — М., 2008. — 544 с.
4. Мелентьева Ю.П. Эволюция понимания сущности чтения // Проблемы современного образования. — 2012. — № 1. — С. 68—72.